

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ТАРЗАН

ТАРЗАН И ЕГО ЗВЕРИ

Тарзан

Эдгар Берроуз

Тарзан и его звери

«ЛитПаб»

1916

Берроуз Э. Р.

Тарзан и его звери / Э. Р. Берроуз — «ЛитПаб», 1916 — (Тарзан)

ISBN 5-440-01151-X

Третий роман о Тарзане

ISBN 5-440-01151-X

© Берроуз Э. Р., 1916

© ЛитПаб, 1916

Содержание

I	5
II	10
III	15
IV	21
V	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эдгар Райс Берроуз

Тарзан и его звери

I

ЛОВУШКА

– Все это дело покрыто какой-то тайной, – сказал д'Арно. – Я знаю из самых достоверных источников, что ни полиция, ни агенты генерального штаба не имеют ни малейшего представления о том, как ему удалось это сделать. Они знают только одно – то же самое, что и мы: Николай Роков бежал...

Джон Клейтон, лорд Грейсток, тот, который был прежде известен под именем Тарзана от обезьяньего племени, сидел молча в гостях у своего друга, лейтенанта Поля д'Арно, в Париже, и созерцал носок своего безукоризненно вычищенного ботинка.

Лорд был погружен в размышления: Николай Роков, его злейший враг, был приговорен к пожизненному заключению на основании свидетельских показаний Тарзана-обезьяны. И вот, оказывается, он бежал из французской военной тюрьмы.

Тарзан вспоминал о бесчисленных покушениях Рокова на его жизнь. Ну, теперь Роков покажет себя! Теперь он ни перед чем не остановится, лишь бы отомстить Тарзану за свое заточение!

Тарзан недавно привез жену и маленького сына в Лондон, так как в Африке, где они до этого жили, начинался дождливый период, чрезвычайно вредный для здоровья.

После этого он поспешил в Париж навестить своего старого друга д'Арно, и здесь известие о победе Рокова отравило радость встречи. И он уже подумывал о немедленном возвращении в Лондон.

– Я не за себя боюсь, Поль! – сказал он после долгого молчания, – из всех столкновений с Роковым я всегда выходил победителем. Теперь мне приходится думать о других. Я знаю этого человека; я уверен, что он захочет нанести удар не мне лично, а моей жене или маленькому Джеку. Он прекрасно знает, что для меня этот удар будет больнее всего. Нет, Поль, я должен немедленно вернуться в Лондон. Я останусь со своими близкими, пока Роков не будет вновь арестован и обезврежен навсегда.

* * *

В то время, когда происходил в Париже этот разговор, два субъекта подозрительного вида беседовали друг с другом в невзрачном домишке на глухой окраине Лондона. Их мрачные, жестокие лица обличали в них иностранцев. Один из них был смуглый, бородатый мужчина; у другого было бледное, изможденное лицо, какое бывает после долгого заключения в тюрьме; лишь несколько дней назад он сбрил свою черную бороду. Говорил последний:

– Ты должен тоже непременно остричь бороду, Алексей, иначе он тебя сразу узнает. Мы расстанемся здесь, а когда встретимся вновь на палубе «Кинкэда», нужно надеяться, с нами будут еще два «почетных гостя». Они, конечно, и не подозревают о том приятном путешествии, которое мы для них придумали.

Через два часа я буду с одним из них в Дувре, а завтра вечером, если ты будешь следовать моим указаниям, ты приведешь с собой второго, при условии, конечно, если он вернется в Лондон так скоро, как я предполагаю. Я уверен, что наши усилия увенчаются успехом, и мы из этого извлечем большую выгоду. Благодаря глупости французских властей, скрывших на

несколько дней факт моего побега, я имел возможность разработать каждую деталь нашего плана так тщательно, что ничто не может помешать его выполнению. Ну, а теперь до свидания, Алексей, желаю успеха.

Три часа спустя, почтальон поднимался по лестнице в парижской квартире Поля д'Арно. – Телеграмма для лорда Грейстока, – сказал он лакею, вышедшему на звонок. – Он здесь? Лакей ответил утвердительно и, расписавшись в получении телеграммы, отнес ее Тарзану, который был занят приготовлениями к отъезду в Лондон.

Тарзан вскрыл телеграмму. Лицо мгновенно покрылось смертельной бледностью. – Прочтите, Поль! – сказал он, протягивая телеграмму д'Арно. – Уже началось! Д'Арно прочел следующее:

«Джек украден при участии нового лакея. Возвращайся немедленно.
Джэн».

Когда Тарзан взбежал на ступеньки своего лондонского дома, он был встречен в дверях женой; Джэн Клейтон мужественно переносила несчастье: ни одна слеза не показалась из ее глаз, и только маленькие руки сжимались от негодования.

Она торопливо рассказала все, что знала о похищении мальчика.

Няня вывезла ребенка в коляске на утреннюю прогулку и катала его перед домом, по солнечной стороне. Закрытый таксомотор подъехал к углу дома. Няня не обратила на это особого внимания; она заметила только, что из автомобиля никто не вышел и что мотор продолжал работать, как будто шофер поджидал седока из дома, перед которым остановился.

Почти немедленно вслед за этим новый лакей Грейстоков. Карл, выбежал к няне, крича ей, что барыня требует ее немедленно к себе и что маленького Джека она может оставить на его попечении до своего возвращения. Это не возбудило в няне никакого подозрения; она направилась к дому и уже дошла до крыльца, но ей пришло в голову предупредить лакея, чтобы он не поворачивал коляски, иначе солнце будет бить ребенку в глаза. Она обернулась, чтобы крикнуть ему об этом, и с изумлением увидела, что Карл быстро катит коляску к углу дома. В ту же минуту открылась дверца таксомотора, и в ней на мгновение мелькнуло чье-то смуглое лицо. Почувствовав, что ребенку угрожает опасность, няня с криком бросилась к автомобилю, но Карл успел вскочить в него с ребенком и захлопнуть за собой дверцу. В ту же минуту шофер двинул рычаг, чтобы дать ход. В моторе что-то было неисправно: шоферу пришлось повернуть рычаг в обратную сторону и дать машине задний ход. Благодаря этому, няня успела добежать до автомобиля и вскочить на подножку.

С громкими криками о помощи няня всеми силами старалась выхватить ребенка из рук похитителей, но напрасно... Автомобиль помчался вперед, увозя ее с собой. Вися на подножке, она цеплялась за дверцу и с отчаянием продолжала звать на помощь, все еще не теряя надежды спасти маленького Джека. Только когда таксомотор отъехал уже далеко от дома Грейстока, Карлу удалось сильным ударом кулака сбросить ее на мостовую.

Крики няни привлекли внимание прохожих. Леди Грейсток, услышав крики няни, также выскочила из дома. Она увидела самоотверженную борьбу няни со злоумышленниками и сама бросилась догонять мотор, но он мчался так быстро, что сейчас же скрылся из глаз.

Вот все, что леди Грейсток могла рассказать мужу. Она не понимала, кому могло понадобиться похитить ее маленького Джека, и ей это стало ясно только тогда, когда Тарзан сообщил о том, что Роков бежал из тюрьмы.

В то время, как Тарзан с женой обсуждали, что им предпринять для спасения ребенка, раздался звонок телефона в кабинете. Тарзан быстро подошел к аппарату.

– Лорд Грейсток? – спросил мужской голос.
– Да.

– Вашего сына похитили, – говорил торопливо незнакомый голос, – и только я могу помочь вам вернуть его. Я хорошо осведомлен о планах похитителей, так как должен признаться, сам принимал участие в деле. Я должен был, знаете ли, получить свою долю награды, но вижу, что меня собираются оставить в дураках. Но я не дам себя провести; я покажу им свои когти! Послушайте, лорд, я хочу помочь вам вернуть вашего сына, но только с условием, что вы не будете преследовать меня за соучастие в похищении. Идет?

– Если вы в самом деле укажете мне, где находится мой сын, – отвечал Тарзан, – вам нечего опасаться. Больше того, я вас щедро награжу, если при вашей помощи верну мальчика.

– Хорошо, – ответил голос, – я назначу вам место встречи, но имейте в виду, что вы должны прийти один. Достаточно того, что я доверяюсь вашему слову; доверять другим я не могу.

– Когда же и где мы встретимся? – спросил нетерпеливо Тарзан.

Таинственный голос назвал харчевню в Дуврском порту, представлявшую излюбленное место сборища моряков.

– Вы должны прийти около десяти часов вечера. Не стоит приходить раньше: ваш сын будет в безопасности. Когда мы встретимся, я провожу вас тайком к тому месту, где он прятан. Но предупреждаю вас еще раз: вы должны явиться один и отнюдь не пытаться вмешивать сюда полицию; я хорошо знаю вас в лицо и буду следить за каждым вашим шагом. Если кто-либо будет вас сопровождать или я замечу поблизости переодетых агентов полиции, я к вам не подойду, и ваша единственная надежда вернуть сына будет потеряна.

Не дожидаясь ответа, незнакомец повесил трубку.

Тарзан передал содержание разговора своей жене. Она просила позволить ей сопровождать его, но он наотрез отказался, боясь, что незнакомец, увидев лишнего человека, приведет свою угрозу в исполнение и не подойдет к нему.

Нежно простившись с женой, Тарзан поспешил в Дувр; Джэн осталась дома ожидать результатов его поездки. Никто из них не знал и не предчувствовал того, что им предстояло пережить раньше, чем они снова увидят друг друга...

* * *

Прошло минут десять после отъезда Тарзана. Джэн Клейтон не могла найти себе места; тревожно шагала она взад и вперед по мягким коврам кабинета. Ее материнское сердце то мучительно сжималось, то разрывалось на части от волнения. Она старалась уверить себя, что все окончится благополучно, но ее угнетало какое-то тяжелое предчувствие...

Чем больше думала она обо всем случившемся, тем с большим ужасом убеждалась, что разговор по телефону был каким-то ловким маневром со стороны похитителей, быть может, для того, чтобы подольше удержать родителей в бездеятельности, пока преступники успеют увезти мальчика из Англии. А, может быть, это была ловушка, задуманная коварным Роковым для пленения Тарзана?

Оглушенная этой мыслью, она в ужасе остановилась.

– Да, это несомненно так! Боже праведный, как мы были слепы! – Джэн бросила взгляд на большие часы, стоявшие в углу кабинета.

Было слишком поздно. Поезд, на котором должен был уехать Тарзан, уже отошел. Но через час шел другой, которым она могла добраться до Дувра еще до назначенного незнакомцем часа.

Вызвав прислугу и шофера, она отдала необходимые распоряжения. Десять минут спустя, автомобиль уносил ее по шумным и людным улицам Лондона к вокзалу.

* * *

В три четверти десятого Тарзан подходил к грязной харчевне на Дуврской набережной. Когда он вошел в эту зловонную трущобу, какая-то фигура, закутанная в плащ, проскользнула мимо него к выходу.

– Следуйте за мной, лорд! – шепнул ему властно незнакомец. Тарзан молча повернулся и пошел за ним. Выйдя из харчевни, незнакомец повел Тарзана по мрачным неосвещенным улицам по направлению к пристани, утопавшей во мгле среди высоко нагроможденных тюков, ящиков и бочек. Здесь он внезапно остановился.

– Где мой мальчик? – спросил Тарзан, не понимая, куда его ведет незнакомец.

– Вон на том пароходе. Его огни видны отсюда! – отвечал тот мрачно.

Тарзан силился различить в темноте черты своего спутника; он казался ему совершенно незнакомым. Если бы лорд Грейсток знал, что его проводником был не кто иной, как Алексей Павлов, он догадался бы сразу, что его ожидает предательский удар и что грозная опасность нависла над его жизнью.

– Вашего сына сейчас никто не стережет! – продолжал Павлов, – похитители уверены, что теперь никто уже не сумеет его найти. На борту «Кинкэда» теперь нет никого, если не считать двух человек команды, которых я снабдил достаточным количеством джина, чтобы мы могли считать их неопасными на несколько часов. Мы можем без всякого риска пробраться на пароход, взять ребенка и вернуться с ним на берег.

Тарзан кивнул головой в знак согласия.

Спутник его направился к небольшой шлюпке, стоявшей у пристани. Они вошли в нее, и Павлов торопливыми взмахами весел направил лодку к пароходу. Казалось бы, густой черный дым, вырывающийся из трубы парохода, должен был навести Тарзана на подозрения, на мысль о ловушке, но он ничего не замечал... Он весь был поглощен мыслью об опасности, угрожавшей его маленькому Джеку.

С борта парохода свешивалась веревочная лестница; оба они быстро взобрались по ней на палубу. Здесь спутник Тарзана увлек его за собою к люку, отверстие которого зияло посреди палубы.

– Мальчик здесь, – таинственно сказал он, оглядываясь по сторонам. – Знаете что? Лучше бы вам одному спуститься вниз, а то, пожалуй, он испугается, закричит и разбудит матросов. Тогда все пропало. Я лучше останусь здесь... постерегу...

Тарзан был так углублен в мысль об освобождении сына, что не обратил внимания на странную тишину, царившую на палубе «Кинкэда»: кругом не видно было ни души, несмотря на то, что пароход был уже под парами. По густым клубам дыма, с искрами вылетающим из трубы, можно было заключить, что пароход готов к отплытию. Но все это совершенно ускользнуло от внимания Тарзана...

Думая лишь о том, что через минуту он прижмет своего любимого сына к груди, он начал спускаться по крутой лестнице в трюм...

Но едва он очутился внизу, как тяжелая крышка люка предательски захлопнулась над ним.

И только тогда, в это роковое мгновение, он понял, что сделался жертвой злодейского умысла! Он не только не освободил сына, но и сам попал в западню своего заклятого врага. Но было уже поздно...

Он бросился к крышке люка, стараясь приподнять ее своими могучими плечами, но все его усилия были тщетны... Он зажег спичку и начал исследовать помещение. Маленькая каморка, куда он попал, была отделена перегородкой от главной части трюма; крыша над головой была единственным выходом из этой тюрьмы. Было очевидно, что помещение пригото-

лено специально для него. Если его ребенок и был на борту этого парохода, то, во всяком случае, где-то в другом месте...

* * *

Все свое детство и юность, со дня рождения до двадцатилетнего возраста, Тарзан провел в диких африканских джунглях, не подозревая даже, что он человек, так как ему не пришлось ни разу встретить ни одного человеческого существа. Он получил воспитание среди человекообразных обезьян. От них он усвоил все их нравы и привычки. Жизнь в диких первобытных лесах, среди тысячи опасностей, развила в нем сверхчеловеческую силу и ловкость, за что его прозвали впоследствии «человеком-обезьяной».

В самый впечатлительный период жизни он научился переживать радости и печали один, не делясь ни с кем – так же, как поступают свободные звери джунглей.

Поэтому и теперь он не выражал своего отчаяния ни слезами, ни безрассудным буйством, а терпеливо ждал дальнейших событий. В то же время он не оставался бездеятельным; голова его непрерывно работала над изысканием способов выбраться из темницы: он тщательно осмотрел помещение, ощупал толстые доски, из которых были сколочены стены, измерил расстояние от пола до крышки.

Внезапно до его слуха донеслись перебои вращающегося винта парохода; все задрожало от пущенной в ход машины. Пароход отчаливает. Куда его увозят и какая судьба ожидает его?

Едва он задал себе этот вопрос, как услышал звук, покрывший собою грохот машины. От этого звука кровь застыла у него в жилах. С палубы над его головой ясно донесся пронзительный женский крик, крик отчаяния и ужаса...

II БРОШЕН НА НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Когда Тарзан и его спутник скрылись в вечерней мгле, там, где они только что были, в темном узком переулке появилась фигура стройной женщины. Лицо ее было покрыто густой вуалью. Она шла очень быстро, почти бежала. У входа в харчевню она на минуту остановилась, огляделась по сторонам, а затем решительно вошла в грязный притон.

Десятка два подвыпивших матросов и подозрительных субъектов удивленно взглянули на нее – слишком необычно было видеть в этой грязной обстановке прилично одетую даму.

Торопливыми шагами дама подошла к стоявшей за прилавком буфетчице. Последняя оглядела странную гостью с ног до головы не то с завистью, не то с неприязнью.

– Скажите, пожалуйста, не заходил ли сюда сейчас высокий господин? – спросила дама. – Он должен был встретиться здесь с одним человеком и вместе с ним куда-то отправиться.

Буфетчица отвечала утвердительно. Но она не могла указать направления, по которому ушли эти двое. Один из матросов, стоявший неподалеку, вмешался в разговор: он вспомнил, что у входа в харчевню он только что столкнулся с двумя мужчинами, направлявшимися к гавани.

– Проведите меня туда, я вам хорошо заплачу, – с оживлением воскликнула женщина, суя моряку в руку золотую монету.

Тот не заставил себя долго упрашивать и, выйдя из харчевни, повел женщину в гавань.

Добравшись до набережной, они увидели на некотором расстоянии от берега небольшую шлюпку: она быстро удалялась по направлению к ближайшему пароходу.

– Вот они! – воскликнул матрос.

– Десять фунтов стерлингов, если вы сейчас же найдете лодку и доставите меня на пароход! – сказала женщина, вглядываясь в две мужские фигуры на шлюпке.

– В таком случае надо поторопиться, – отвечал расторопный моряк, – пароход уже три часа под парами и каждую минуту может отчалить.

Он поспешно направился к пристани. Женщина не отставала от него. У причала была привязана шлюпка, тихо колыхавшаяся в волнах. Сесть в нее и отчалить было делом одной минуты; моряк взялся за весла, и они бесшумно поплыли к пароходу.

Через несколько минут моряк подтянул лодку у борту парохода и потребовал обещанной платы; женщина, не считая, сунула ему в руку пачку кредитных билетов, и беглый взгляд брошенный матросом на деньги, убедил его, что его труд щедро вознагражден. Он вежливо помог женщине взобраться по веревочной лестнице на палубу, а сам остался около парохода, надеясь, что щедрая дама пожелает вернуться на берег.

Но в этот момент раздался шум машины, пущенной в ход, и грохот цепей; на «Кинкэде» подымали якорь. Минуту спустя вода забурлила под ударами винта, и матрос увидел, что пароход медленно поворачивается к выходу из гавани.

Едва он взялся за весла, чтобы плыть к берегу, как с палубы парохода донесся отчаянный женский крик; он услышал неясный шум борьбы, а затем все стихло.

– Черт возьми! – проворчал матрос с негодованием. – Работу перебили, не сумел я воспользоваться случаем!..

Взобравшись на пароход, Джэн Клейтон нашла палубу совершенно пустой. С минуту стояла она озадаченная. Где же ей искать сына и мужа? Она заметила большую каюту, наполовину возвышавшуюся над палубой, и смело бросилась туда; сердце ее тревожно билось, когда она спускалась по узкой крутой лестнице. Она очутилась в длинном узком коридоре, по обе стороны которого находились каюты, по-видимому, принадлежащие команде парохода. Она про-

бежала по всему коридору, останавливаясь у каждой двери и стараясь уловить какой-нибудь звук.

Зловещее молчание царило повсюду... У Джэн начинала кружиться голова и ее испуганному воображению казалось, что биение ее сердца наполняет громовым грохотом все судно.

Она принялась осторожно приоткрывать одну дверь за другой; все каюты были пусты. Мысли начинали путаться в голове бедной Джэн. Где же ей еще искать? Охваченная все возрастающей тревогой за сына и мужа, она даже не почувствовала, как начал подрагивать весь корпус судна, и не обратила внимания на шум машины, пущенной в ход.

Еще одна каюта оставалась необследованной. Она приоткрыла дверь, но навстречу ей выскочил какой-то смуглый мужчина; грубо схватив ее за руку, он втащил ее в каюту. Перепуганная неожиданным насилием, Джэн Клейтон пронзительно вскрикнула, но в ту же минуту человек крепко зажал ей рот рукой.

– Когда мы отъедем от берега, дорогая моя, – сказал он, – можете кричать, сколько вашей душе будет угодно, а пока...

Леди Грейсток обернулась, чтобы взглянуть на бородатое лицо, близко наклонившееся к ней, и сейчас же с ужасом отпрянула: она узнала ненавистные черты человека, подлость которого ей не раз пришлось испытать на себе.

– Николай Роков! Мсье Тюран! – прошептала она, содрогаясь.

– Ваш покорный слуга и поклонник! – отвечал Роков, отвешивая низкий поклон.

– Мой сын? Где мой сын? – застонала она, не замечая его насмешливого тона. – Умоляю вас, отдайте мне сына, Роков, ведь вы же человек, в вас должна оставаться хоть капля жалости. Скажите мне, ради бога, скажите, где он? Если в вашей груди бьется сердце, не мучьте меня больше, отведите меня к моему ребенку.

– Вы должны беспрекословно повиноваться моим приказаниям, и тогда с ним ничего дурного не случится, – желчно проговорил Роков. – Вам не мешало бы помнить, сударыня, что вас никто не приглашал на судно и что бы ни случилось, извольте пенять на себя.

Он повернулся к ней спиной и быстро вышел из каюты, заперев за собою дверь на ключ.

После этого Джэн не пришлось видеть его в течение нескольких дней.

Дело в том, что Роков был плохим мореплавателем и не выносил морской качки, а между тем в первый же день поднялась такая большая волна, что он свалился на койку в сильнейшем приступе морской болезни.

Единственным посетителем леди Грейсток был в эти дни грязный швед, повар с «Кинк-эда», который приносил ей пищу. Звали его Свэн Андерсен.

Это был тощий верзила, с длинными рыжими усами, с желтым, болезненным цветом лица, с черными ногтями на грязных заскорузлых пальцах. Один вид его отбивал всякий аппетит у несчастной женщины, когда он приносил ей в каюту пищу.

Его маленькие бесцветные глаза как-то странно бегали в узких щелках; во всей его наружности, в жестах, в кошачьей походке сквозила скрытность и какое-то смутное коварство. Засаленная веревка служила ему поясом; на поясе висел отвратительно-грязный передник, а за поясом всегда был длинный нож, еще усиливающее впечатление, которое внушал этот субъект. Хотя нож являлся несомненной принадлежностью его профессии, но Джэн не могла отделаться от мысли, что это оружие, при малейшем поводе с ее стороны, могло быть пущено в ход совсем не для кулинарных целей.

Повар обращался с леди Грейсток с угрюмой молчаливостью; она же, напротив, постоянно встречала его приветливой улыбкой и не забывала благодарить за принесенную пищу, хотя большей частью ей приходилось выплескивать содержимое котелка в иллюминатор каюты.

В первые дни своего заточения – ужасные дни тревоги и одиночества – два вопроса неотступно сверлили ей мозг: жив ли ее муж и где ее ребенок? Что-то подсказывало ей в глубине

души, что сын ее находится тут же на пароходе и что он жив. Но сохранили ли злодеи жизнь Тарзану? Самые мрачные предчувствия терзали ее...

Леди Грейсток знала о том, какую непримиримую, животную ненависть питал Роков к ее мужу и с каким вожделением он думал о мести. И ей казалось ясным, что злодей заманил Тарзана на пароход не иначе, как затем, чтобы удовлетворить свою жажду мести и навсегда покончить со своим врагом.

Тарзан в это время лежал в грязном трюме, не подозревая, что его жена находится так близко от него. Тот же долговязый швед, который навещал Джэн, приносил пищу и ему; Тарзан несколько раз пытался втянуть его в разговор, но все усилия оставались бесплодными. Как узнать у него, действительно ли Джэн находится на борту парохода? Но этот бестолковый верзила на все расспросы отвечал, варварски коверкая английский язык, неизменной фразой:

«Я тумай, ветер скоро туть сильно». И Тарзану пришлось волей-неволей отказаться от дальнейших попыток завязать с ним беседу.

Так прошло несколько недель. Несчастливым пленникам они показались месяцами. В каком направлении шел пароход, куда их везли и что их ожидало? Все эти вопросы оставались без ответа...

За все время плавания «Кинкэд» остановился только один раз, очевидно, чтобы погрузить уголь; затем он сейчас же продолжил свой путь, и несчастным, тоскующим заключенным казалось, что этому плаванию не будет конца.

Однажды к Джэн Клейтон явился Роков; это был первый его визит с тех пор, как он запер ее в маленькой каюте. Он был весь желтый, осунувшийся после долгой морской болезни.

Войдя в каюту, он запер за собой дверь и немедленно приступил к делу: он предложил леди Грейсток выписать на его имя чек на довольно крупную сумму; он заявил ей, что она, наверное, не откажет ему в этой пустяковой просьбе, взамен чего гарантировал ей неприкосновенность и свободу и обещал доставить ее в Лондон.

Джэн серьезно его слушала.

– Я согласна, мсье Роков, – сказала она. – Я выплачу вам сумму вдвое больше этой, но при единственном условии, если вы высадите меня с мужем и сыном в какой-нибудь цивилизованной стране, – до тех пор вы не получите от меня ни гроша. Ни о каких других условиях я и слышать не хочу.

– Вы дадите мне чек сейчас же! – сказал Роков угрожающим тоном, – иначе ни вам, ни вашему мужу, ни ребенку больше не придется увидеть землю.

– Поступайте, как вам угодно, я чека не подпишу! – твердо сказала леди Грейсток. – Какая у меня гарантия, что вы, получив чек, не поступите с нами так, как вам заблагорассудится?

– Итак, вы отказываетесь исполнить мое требование? – желчно проговорил Роков, поворачиваясь к двери. – Ладно, пусть будет по-вашему; но помните, что жизнь вашего сына в моих руках, и если вы услышите его предсмертные стоны, знайте, что ваше упрямство и скупость – причина его смерти.

– Нет, нет, только не это! – воскликнула несчастная мать. – Вы не будете, вы не можете быть до такой степени жестоким!

– Не я жесток, а вы, сударыня! – возразил Роков спокойно. – Пустячной суммой денег вы можете спасти своему ребенку жизнь.

Разговор, как и следовало ожидать, окончился тем, что Джэн Клейтон выписала чек на требуемую сумму и передала его Николаю Рокову. Последний, получив то, чего добивался, немедленно покинул каюту с торжествующей улыбкой.

На другой день после этого разговора Тарзан услышал над своей головой чьи-то шаги, а затем скрип открываемой крышки.

Он взглянул вверх и увидел просунувшуюся в светлое отверстие люка гнусную физиономию Павлова.

– Ну, вылезайте! – скомандовал тот. – Имейте в виду, что при малейшей попытке напасть на меня или на кого-либо другого из находящихся здесь, вы будете пристрелены, как бешеная собака.

Тарзан-обезьяна, не говоря ни слова, по звериному легко выпрыгнул на палубу. Он быстро оглянулся вокруг, щуя глаза от яркого дневного света. На почтительном расстоянии от него толпилось около десятка матросов, вооруженных винтовками и револьверами. Перед ним стоял Павлов.

Тарзан продолжал оглядываться, ища глазами Рокова; он не сомневался, что его враг должен быть на пароходе; но, к его удивлению, Рокова не было видно нигде.

– Лорд Грейсток! – торжественно обратился к нему Павлов. – В течение последних двух лет вы изволили беспрерывно совать нос в дела мистера Рокова, которые вас совершенно не касались. Вполне естественно, что ему пришлось принять меры для ограждения себя от вашего непрошенного вмешательства, и вам остается обвинять себя самого в тех несчастьях, которые обрушились на вас и на вашу семью. С другой стороны, вы не можете не понять, что такая экспедиция обошлась Рокову в немалую сумму денег, а так как вы являетесь единственным ее виновником, то он, естественно, ожидает от вас покрытия всех расходов по экспедиции. Я заявляю вам, лорд Грейсток, что только при условии выполнения справедливого требования мистера Рокова, вы можете оградить свою жену и ребенка от весьма неприятных последствий, а также сохранить свою жизнь и даже получить свободу.

– Сколько? – деловым тоном спросил Тарзан. И прибавил:

– Я прошу сказать, какую я могу получить гарантию, что вы выполните ваши обещания. У меня очень мало оснований доверять таким подлецам, как вы и мистер Роков.

Павлова всего передернуло при этих словах.

– Вы не в таких условиях, чтобы позволить себе бросать людям оскорбления, – сказал он, повышая голос. – Я отказываюсь дать вам иную гарантию, кроме моего слова, но зато у вас может быть полная гарантия, что мы сумеем быстро расправиться с вами, если вы сейчас же не подпишете требуемого чека. Если вы не совсем еще потеряли рассудок, вы можете понять, каким большим удовольствием было бы для нас отдать приказание этим молодцам пристрелить вас. И если мы сохраняем вам жизнь, то только потому, что придумали для вас другое наказание, и ваша смерть не входит в наши планы.

– Ответьте мне только на один вопрос, – сказал Тарзан угрюмо. – Находится ли мой сын на этом пароходе или нет?

– Его здесь нет! – ответил Павлов. – Ваш сын в полной безопасности в другом месте. Если вы сейчас же беспрекословно исполните наши справедливые требования, мы его не тронем. Если же ваше упрямство заставит нас разделаться с вами, нам придется прикончить и ребенка, потому что нам тогда незачем его держать. Вы видите, что вы можете спасти вашего сына от смерти, только сохранив свою жизнь, а сохранить свою жизнь вы можете не иначе, как подписав чек немедленно.

– Хорошо, я согласен, – сказал Тарзан после минуты раздумья.

Он слишком хорошо представил себе, что негодяи не останутся перед исполнением своей угрозы. Было ясно, что, согласившись на их требования, он, быть может, сохранит жизнь ребенку.

Но в то же время он ни минуты не сомневался, что как только он подпишет чек, они убьют его.

Сознание его было ясным, мысли уверенны и спокойны. Он твердо решил умереть с достоинством и бороться до последней минуты. Он постарается задать им перед смертью – такой урок, какого они никогда не забудут, и уже наметил первой жертвой стоявшего перед ним Павлова. Он еще несколько раз огляделся кругом, сожалея, что не было на палубе Рокова.

Тарзан медленно вынул из кармана чековую книжку и автоматическое перо.

– Сколько? – спросил он спокойно.

Павлов назвал громадную сумму. Тарзан едва удержался от улыбки: алчность этих субъектов переходила всякие границы. Сумма была значительно больше того, что было у него на текущем счету, и он знал, что такой чек не будет оплачен банком. Он сделал вид, что колеблется, и начал торговаться, но Павлов неумолимо стоял на своем. Тарзану пришлось, в конце концов, выписать чек на всю сумму.

Когда он повернулся, чтобы передать Павлову бумажку, не имевшую ровно никакой цены, он случайно взглянул за борт «Кинкэда». К величайшему изумлению он увидел, что пароход находился недалеко от какого-то берега. Почти к самой воде подходили густые тропические джунгли, а позади виднелись гористые склоны, покрытые лесом.

Павлов заметил, с каким напряженным интересом вглядывался Тарзан в расстилающуюся перед ним местность.

– Здесь вам придется высадиться! – сказал он.

Тарзан с недоверием посмотрел на Павлова. Он не мог себе представить, что его враги оставляют ему жизнь. Но зачем бы стали они его обманывать? Его мускулы, напрягшиеся для последней борьбы, постепенно разжимались.

Он думал, что видит перед собою берег Африки, и знал, что, если его здесь высадят, он сравнительно легко сумеет добраться до цивилизованных стран.

Павлов взял написанный чек.

– А теперь извольте скинуть одежду, – сказал он лорду Грейстоку, – она вам здесь не понадобится.

Тарзан медлил. Павлов молча кивнул в сторону вооруженных матросов. Тогда Тарзан начал медленно раздеваться.

Вслед за этим была спущена на воду шлюпка, и Тарзан, под сильной охраной, был отвезен на берег. Полчаса спустя, матросы вернулись на пароход. И пароход тотчас же двинулся в путь.

Тарзан стоял на узкой полосе отмели, собираясь прочесть записку, переданную ему на берегу одним из матросов. Вдруг до него донеслись какие-то крики с удалявшегося парохода; он невольно поднял голову и увидел на палубе человека, криками старавшегося обратить на себя его внимание.

Это был Роков. С отвратительным хохотом он поднимал высоко над головой ребенка...

У Тарзана помутилось в глазах; он инстинктивно бросился вперед, чтобы догнать пароход, но бессильно остановился у самой воды.

Он стоял долго, не сводя глаз с «Кинкэда», пока очертания судна не скрылись за мысом.

Позади него на высоких ветвях деревьев пищали и ссорились мартышки; из глубины девственного леса доносился зловещий вой пантеры.

Но Джон Клейтон, лорд Грейсток, погруженный в свое горе, ничего не слышал, ничего не замечал вокруг себя.

Из чащи джунглей за его спиной высунулась отвратительная косматая морда; злые, налитые кровью глаза наблюдали из-под нависших бровей за новым пришельцем.

Тарзан продолжал стоять в каком-то оцепенении. Его терзали муки сожаления, зачем он пропустил случай посчитаться со своими врагами?

– Единственное утешение, – подумал он, – что Джэн в безопасности в Лондоне. Какое счастье, что она не попала в лапы этих мерзавцев.

Косматое чудовище бесшумно подкрадывалось сзади к нему.

Тарзан медленно разворачивал бумажку...

Куда же девалось тонко развитое чутье дикого человека-обезьяны? Где было его тонкое обоняние? Где был его острый слух, которому мог некогда позавидовать любой из обитателей джунглей?

III ГРОЗА ДЖУНГЛЕЙ

Тарзан развернул записку и стал читать ее. Вначале он почти не понимал, что было в ней написано: его разум и чувства были притуплены горем. Но по мере чтения сознание возвращалось к нему, и вся гнусность плана мести вставала перед его глазами.

Текст записки был таков:

«Вы найдете здесь подробное изложение моих намерений относительно Вас и Вашего сына.

Вы родились обезьяной, и Вам, по-видимому, всегда нравилось бродить голым по джунглям; мы Вас и возвращаем к той жизни, для которой Вы созданы и которая Вам по вкусу. Что же касается Вашего наследника, то мы, считаясь со всемирным законом эволюции, полагаем, что он должен стоять несколько выше своего отца.

Отец был человекообразным животным; сын займет следующую ступень в развитии. Он не будет голым зверем, живущим на деревьях в чаще джунглей; он будет ходить по земле на задних конечностях, носить передник и бронзовые браслеты, а, может быть, и кольцо, продетое в нос. Мы сделаем из него почти человека, отдав его на воспитание племени людоедов... Нам думается, что способствуя такой естественной эволюции, мы вполне угодим сиятельному лорду-обезьяне...

Я мог бы Вас убить, лорд Грейсток, но я считаю такое наказание слишком мягким для того, кто был моим злейшим врагом. Будучи мертвым, Вы не чувствовали бы никаких мучений, никакой тревоги за участь своего ребенка. Нет, я оставлю Вам жизнь вместе с приятным сознанием, что судьба Вашего сына в моих руках: я надеюсь, что это сознание так украсит Вашу одинокую жизнь, что смерть покажется Вам приятнее всего на свете...

В этом мое мщение, лорд Грейсток, за то, что Вы осмелились поднять руку против нижеподписавшегося
Н. Р.

Р. S. В программу моей мести входят также и некоторые сюрпризы, ожидающие Вашу уважаемую супругу, но догадываться о них я предоставляю Вашему воображению».

Едва он окончил чтение записки, как легкий шорох за его спиной заставил его быстро обернуться. Перед ним стояла во весь рост громадная обезьяна-самец, готовая броситься на него. Чувство самосохранения мгновенно пробудило в Тарзане все его прежние инстинкты, воспитанные джунглями.

Два года, протекшие с тех пор, как Тарзан покинул африканский берег, не ослабили в нем той необычайной физической силы, которая сделала его некогда непобедимым властелином джунглей. Напротив, ему часто приходилось упражняться и развивать свою силу и ловкость, правда, в более мирной обстановке, в его обширных владениях в области Узири.

Мышцы Тарзана мгновенно напряглись: он бесстрашно готовился встретить зверя, голый и безоружный, хотя рассудок подсказывал ему всю нелепость борьбы с косматым гигантом.

Другого выхода не было – нужно было принять неравный бой, пользуясь теми орудиями защиты, которыми наделила его природа, и постараться возможно дороже отдать свою жизнь.

Взглянув на опушку леса, Тарзан заметил за спиной обезьяны еще целую дюжину таких же страшных человекоподобных; это его, однако, нисколько не утратило: он хорошо знал нравы антропоидов, никогда не нападающих стаями; их слабо развитые умственные способности, к счастью, не умеют оценить преимущества общего нападения на врага; иначе, благодаря своей необычайной силе и могучим клыкам, они бы давно сделались господствующими животными в джунглях.

С глухим гортанным рычаньем зверь бросился на Тарзана, но человек не растерялся: за время своего пребывания среди цивилизованных людей он научился многим приемам борьбы, неизвестным обитателям джунглей.

В прежнее время он ответил бы на грубое нападение грубой силой; теперь же он сделал легкий шаг в сторону и, когда зверь со всего размаху пролетел мимо, он, с ловкостью лучшего боксера Англии, нанес ему сильный удар в область живота.

Обезьяна взвыла от ужасной боли и, скрючившись, упала на землю, но тотчас же готова была вновь подняться.

Однако человек предупредил ее: повернувшись быстрее молнии, он с диким криком бросился на антропоида. Его крепкие зубы яростно впились в горло зверя, чтобы перекусить сонную артерию. Мускулистыми руками он наносил ему страшные удары по голове. Могучий самец потрясал воздух криками боли и ярости, и морда его покрылась кровавой пеной.

Племя обезьян, расположившееся вокруг, с видимым удовольствием следило за борьбой. Животные что-то бормотали и издавали глухие звуки одобрения, когда борющиеся вырывали друг у друга куски мяса и клочья шерсти. Вдруг они застыли от удивления: могучая белая обезьяна вскочила их царю на спину и, продев свои могучие лапы под мышки противника, с огромной силой нажала сплетенными кистями на шейные позвонки. Царь обезьян взвыл от боли и, как сноп, повалился в густую траву джунглей.

В годы своей дикой жизни, несколько лет тому назад, Тарзан во время борьбы с исполинской обезьяной, Теркозом, случайно применил этот прием борьбы цивилизованных людей – «двойной нельсон».

Как и тогда, этот прием решил исход борьбы.

Небольшая кучка зрителей – свирепых антропоидов – услышала звук хрустнувших позвонков, страшный вой их вождя и его предсмертное хрипение. Затем голова обезьяны беспомощно повисла, и хрип прекратился.

Маленькие быстрые глазки зрителей перебежали с неподвижного тела их предводителя на белую обезьяну, которая теперь поднялась во весь рост, поставила ногу на шею сраженного противника и, откинув голову назад, испустила дикий пронзительный вой – победный крик обезьяны-самца. Тогда только они сообразили, что царь их убит.

Маргышки на верхушках деревьев внезапно оборвали свою болтовню, замолкли звонкие голоса ярко-сверкающих птиц, и только издали донесся протяжный вой леопарда и глухое рычанье льва.

Это был прежний Тарзан; он окинул испытующим взором кучку обезьян, стоявших вокруг него, и потряс головой, как бы для того, чтобы откинуть густую гриву, спадающую ему на лицо, – старая привычка, оставшаяся у него с того времени, когда густые черные волосы свешивались ему на плечи и часто спадали на глаза.

Человек-обезьяна знал, что теперь он может ежеминутно ожидать нападения со стороны сильнейшего самца племени, чувствующего себя способным занять место царя. В то же время ему было отлично известен закон обезьян, согласно которому, кто угодно, совершенно чужой, мог взять на себя предводительство над племенем, если он победил царя. Ему оставалось только пожелать – и он стал бы царем этого племени, как был им некогда, в годы ранней юности.

Но Тарзан знал по опыту, какие неприятные обязанности налагает положение царя и как оно стесняет свободу; он был готов отказаться от своих привилегий, полагая, что в этом случае

вопрос о первенстве будет решаться в племени единоборством сильнейших его представителей.

Эти мысли промелькнули в голове Тарзана в течение одной минуты. Он не успел опомниться после своей победы над врагом, как к нему медленно приблизился крупный молодой самец. Сквозь его обнаженные боевые клыки раздавалось временами глухое ворчание.

Тарзан следил за каждым движением нового противника, стоя неподвижно, как истукан. Сделай он шаг назад, он ускорил бы этим нападение зверя; бросившись вперед, он также ускорил бы решительную схватку, если только нападение не устрало бы сразу самца и не обратило бы его в бегство. Поэтому он стоял неподвижно.

Когда внимание обезьяны бывает привлечено каким-нибудь неизвестным ей предметом или животным, она обычно подходит совсем близко к предмету своего любопытства, грозно при этом ворчит и скалит клыки, покрытые пеной, а затем медленно обходит его кругом. Так поступила и эта обезьяна.

Самец начал ходить вокруг Тарзана, устремив в него налитые кровью глаза.

Тарзан поворачивался также медленно, оставаясь лицом к лицу со зверем и не сводя своих глаз с глаз противника.

Он заметил, что зверь был ростом выше сажени и удивительно хорошо сложен, хотя ноги у него были короткие, слегка согнутые. Его длинные волосатые руки почти достигали земли, когда он стоял, выпрямившись во весь рост, и его боевые клыки были необычайно длинны и острые. Этот экземпляр был совершенно непохож на тех обезьян, среди которых вырос Тарзан.

Тарзан увидел, что имеет дело с совершенно другой породой обезьян, но ему хотелось узнать, не сходно ли их наречие с языком племени Керчака. Он обратился к зверю на языке своего детства.

– Кто ты такой? – глухо спросил он. – Как ты смеешь угрожать Тарзану из обезьяньего племени?

Косматый противник посмотрел на него с удивлением и любопытством:

– Я – Акут! – ответил он на первобытном языке, совершенно схожем с родным наречием Тарзана.

Тарзан молчал.

– Я – Акут! – говорил самец с ворчанием. – Молак убит. Акут теперь – царь. Ступай прочь или я убью тебя!

– Ты видел, как Тарзан убил Молака, – отвечал человек-обезьяна. – Он мог бы так же легко убить и тебя, если бы захотел быть царем. Но Тарзан из обезьяньего племени не хочет быть царем над племенем Акута. Тарзан хочет жить в мире в этой стране. Тарзан из обезьяньего племени может быть полезным для вас, и вы можете быть полезными Тарзану.

– Ты не можешь убить Акута! – сказал молодой самец. – Никого нет сильнее Акута. Если бы ты не убил Молака, Акут убил бы его сам. Акут будет царем!

Вместо ответа человек-обезьяна одним прыжком бросился на громадного зверя, ослабившего во время разговора свою бдительность. В мгновение ока он схватил кисть Акута и, не дав ему времени опомниться, вспрыгнул на его широкую спину.

Оба повалились на землю; но Тарзан хорошо рассчитал свое нападение: прежде чем они коснулись земли, он успел добиться такого же положения рук, какое сломало шею Молака.

Медленно и неумолимо усиливал он свой нажим на шею противника... Еще минута и захрустят позвонки под его могучими руками. Человек-обезьяна вспомнил, как он некогда дал возможность Теркозу сдаться; также и на этот раз он решил предложить Акуту выбор между жизнью в дружбе с Тарзаном и смертью...

– Ка-года? – прошептал он на ухо зверю, бессильно бившемуся под ним. Это был тот же вопрос, который он задал некогда Теркозу, и на языке обезьян это означало: «Сдаешься?».

Акут вспомнил хрустящий звук, раздавшийся перед тем, как переломилась могучая шея Молака, и содрогнулся. Сильнейшему в племени все же не хотелось лишиться своих прав вождя: он сделал еще отчаянную попытку вырваться из цепких объятий противника; но новый сильный нажим на его позвоночник вырвал едва слышный ответ: «Ка-года».

Тарзан ослабил немного свою хватку, но все еще не выпускал противника из своих могучих рук.

– Ты все же можешь быть царем, Акут! – проговорил он. – Тарзан сказал, что он не хочет быть царем. Если даже кто-нибудь будет оспаривать право Акута, Тарзан из обезьяньего племени поможет Акуту в его борьбе.

Тарзан выпустил самца, и тот медленно поднялся на ноги. Потряхивая своей огромной головой и сердито ворча, он пошел вперевалку к своему племени. Он испытующе посмотрел на одного, потом на другого из самых крупных самцов, чтобы убедиться, не оспаривает ли кто-нибудь его первенство?

Самцы боязливо отошли в сторону, когда он приблизился, и Акут был признан царем.

Через несколько минут племя двинулось в джунгли и оставило Тарзана в одиночестве на берегу моря.

Раны, нанесенные Молаком, причиняли ему сильную боль, но он привык к физическим страданиям и переносил их с терпеливостью диких зверей, научивших его этому в джунглях.

Тарзан подумал о том, что прежде всего ему необходимо обзавестись оружием для защиты и нападения. Первая встреча с обезьянами и доносившийся дикий рев льва Нумы и пантеры Шиты были для него достаточным предупреждением, что ему предстояла не очень безмятежная жизнь.

Это было возвращение к прежней жизни, полной опасностей и кровавых столкновений, возвращение к жестокой борьбе за существование: отныне опять либо он будет охотиться за кем-нибудь, либо кто-нибудь будет охотиться за ним. Он знал, что каждую минуту, днем и ночью, он может оказаться лакомой приманкой для хищника и что, рано или поздно, он попадет кому-нибудь на обед. Это почти неизбежно случится, если он не раздобудет оружие, которое можно противопоставить клыкам и когтям своих врагов. И Тарзан, не медля ни минуты, отправился на поиски.

На берегу моря ему удалось найти каменную глыбу вулканического происхождения. После долгих усилий он сумел отколоть продолговатый кусок длиной дюймов в двенадцать и в четверть дюйма толщиной, один край которого был слегка заострен. Для начала этот осколок мог заменить ему нож.

С этим примитивным оружием он отправился в джунгли на поиски особой знакомой ему породы крепкого дерева. Он скоро нашел одно такое упавшее дерево, срезал с него небольшой прямой сучок и заострил палочку с одного конца, с помощью только что сделанного ножа.

После этого он выдолбил в стволе лежавшего дерева небольшое чашеобразное углубление, в которое насыпал мелконакрошенную сухую кору. Сев затем верхом на ствол, он вставил заостренный конец палочки в углубление и принялся быстро вращать прут между ладонями.

Через несколько минут показался дымок, а затем и пламя. Собрав сухих веток и положив их на огонь, Тарзан вскоре развел большой костер, в пламя которого он положил свой каменный нож, а сам отправился к морю, чтобы зачерпнуть немного воды.

Когда он вернулся, камень был накален докрасна. Тарзан вынул его и брызнул на него водой неподалеку от края. Несколько крупинок откололось от песчаной поверхности камня. Тарзан снова сунул камень в огонь и снова капнул на него водой. Он повторял эту кропотливую операцию множество раз, и в конце концов его примитивный охотничий нож стал довольно острым.

Тарзан испытал большое удовлетворение, когда ему удалось заострить каменный клинок на протяжении нескольких дюймов. Он тут же срезал длинный гибкий прут для лука, рукоятку для своего ножа, крепкую дубину и несколько стрел.

Все это имущество он спрятал в дупле высокого дерева, близ небольшого ручейка. На верхних его ветвях он устроил небольшую горизонтальную площадку для сна, а несколько выше крышу из пальмовых листьев.

Занятый своей работой, он и не заметил, как наступили сумерки, и почувствовал сильный голод.

Еще раньше он обратил внимание на протоптанную тропу, неподалеку от его нового жилища, которая вела к ручью. По многочисленным следам было видно, что по этой тропе разные животные спускаются к водопою. К этому-то месту и направился, перебираясь с дерева на дерево, голодный Тарзан.

Он лазил по верхним ветвям деревьев с ловкостью обезьяны и, если бы его не угнетало тяжелое чувство при воспоминании о недавних событиях, он был бы вполне счастлив. Его грудь наполнялась диким ощущением свободы, его память невольно обращалась к радостным картинам детства.

К нему вновь возвращались инстинкты прежней жизни, которая в действительности была ему ближе, чем культурная жизнь с ее привычками, приобретенными им за последние два года общения с людьми. О, если бы его приятели – чопорные сэры палаты лордов – могли видеть, как он прыгает по деревьям!

Он лег на нижнюю ветку высокого дерева, свешивающуюся над тропой, и стал вглядываться в сторону джунглей, откуда должно было появиться какое-нибудь животное, обреченное ему на ужин.

Ему не пришлось долго ждать. Едва он удобно устроился, поджав под себя ноги, как заметил грациозную лань Бару, медленно направляющуюся к водопою.

Тонкое чутье сразу подсказало Тарзану, что Бара была не одна: какой-то хищник преследовал стройное животное, не подозревавшее об опасности. Тарзан не мог определить, кто именно подкрадывался к лани из глубины джунглей, но ему было ясно, что это был крупный хищник, выслеживавший Бару с той же целью, что и он сам; вероятнее всего лев Нума или пантера Шита.

Во всяком случае жертва могла бы ускользнуть от Тарзана, если бы Бара продолжала двигаться к воде так же медленно, как теперь.

Но, очевидно, какой-то звук или шорох предупредил лань об опасности; она на мгновение остановилась и затем быстрыми прыжками понеслась прямо к ручью, чтобы, перебежав через него, спастись на противоположном берегу.

Из чащи джунглей, на расстоянии сотни шагов от мчавшейся лани, вдруг выпрыгнула темная фигура льва Нумы. Тарзан ясно видел своего соперника. Бара должна была пробежать под деревом, на котором сидел человек-обезьяна. Сможет ли он вырвать у льва его добычу? Но раньше, чем голодный человек сам ответил себе на этот вопрос, он спрыгнул с ветки на спину перепуганной лани.

Еще минута – и Нума мог получить сразу две добычи, и, если Тарзан хотел сегодня поужинать, он должен был действовать быстро.

Он схватил лань за рога и молниеносным движением скрутил ей шею, так что хрустнул позвоночник.

Затем он перебросил добычу через плечо и, схватив в зубы ее переднюю ногу, вскочил на ближайшую ветку.

Лев приближался гигантскими прыжками, рыча от ярости при виде ускользавшей от него добычи. Тарзан схватился обеими руками за ветку, и в ту минуту, когда Нума прыгнул вверх за ним, человек со своей добычей был вне его досягаемости.

Ошеломленный этой неслыханной дерзостью, лев упал на землю, а Тарзан, устроившись поудобнее на более безопасном месте, стал гримасами и криками дразнить разъяренного зверя. А тот яростно бил себя по бедрам своим жестким хвостом и втягивал ноздрями запах пере-хваченной у него добычи.

Своим новым ножом Тарзан отрезал сочный кусок от задней части лани и, в то время как лев с рычаньем ходил внизу взад и вперед, лорд Грейсток с жадностью рвал зубами теплое мясо с дымящейся кровью. Ни одно изысканное блюдо в самом шикарном лондонском ресторане не казалось ему таким вкусным.

Кровь его добычи перепачкала ему лицо. От нее шел острый запах, столь привлекатель-ный для хищных зверей.

Насытившись вдоволь, Тарзан нанизал остатки мяса на острые сучья дерева, а затем отправился по верхним ветвям к своей площадке; Нума, горевший жаждой мести, продолжал следить за ним снизу.

Добравшись до площадки на верхушке дерева, Тарзан лег и заснул глубоким сном. Проснулся он лишь на следующее утро, когда солнце стояло уже высоко.

IV ШИТА

В течение последующих дней Тарзан был занят совершенствованием своего оружия и исследованием джунглей. Он сделал тетиву для лука из сухожилий лани, которая послужила ему ужином в первый день его пребывания на необитаемом острове. Он предпочел бы для тетивы жилу Шиты, но это приходилось отложить до более удобного случая.

Он свил также длинную веревку из сухой травы, наподобие той, которой он много лет тому назад дразнил злого Тублата и которая впоследствии сделалась в ловких руках мальчика-обезьяны замечательным арканом.

Он смастерил также ножны и рукоятку для своего охотничьего ножа и колчан для стрел, а из кожи Бары вырезал себе кушак и передник на бедра.

Затем Тарзан отправился на исследование незнакомой местности. Он определил сразу, что это не был родной ему западный берег Африки, так как в этой местности солнце вставало со стороны моря.

Но это не мог быть и восточный берег Африки, так как он был убежден, что «Кинкэд» не проходил через Средиземное море, Суэцкий канал и Красное море, а для того, чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды потребовалось бы значительно больше времени. И он тщетно терялся в догадках, куда его закинула судьба?

Ему приходило в голову, что пароход пересек Атлантический океан и высадил его на каком-нибудь диком берегу Южной Америки; но присутствие льва с несомненностью доказывало, что это не так.

Одинок бродя по джунглям, вдоль побережья, Тарзан чувствовал сильное желание иметь около себя какое-нибудь живое существо и начинал жалеть, что не остался в стаде обезьян. Ему не пришлось их больше видеть после той первой встречи, когда он победил Молака.

Теперь он почти совершенно стал прежним Тарзаном и, хотя сознавал, как мало общего между ним и большими антропоидами, все же он предпочел бы их общество полному одиночеству.

Во время своих скитаний он питался попадавшимися ему плодами и крупными насекомыми, которых он находил в трухлявых, гниющих деревьях. Насекомые казались ему таким же лакомым блюдом, как и в счастливое время его детства.

Когда он прошел милю или две, его ноздри уловили отчетливый запах пантеры Шиты, доносившийся к нему поверху. Тарзан особенно обрадовался встрече с Шитой. Он намеревался добыть у нее не только крепкую жилу для тетивы своего лука, но и красивую пятнистую шкуру, чтобы смастерить себе новый колчан и передник.

Перед этим Тарзан шел спокойно и беззаботно; теперь он пригнулся к земле и стал красться ползком, чутко прислушиваясь к малейшему шороху. Легко и неслышно скользил он сквозь чащу леса, выслеживая дикую кошку. Теперь он был, несмотря на человеческое происхождение, такой же дикий и свирепый зверь, как и тот, за которым он охотился.

Приблизившись к Шите, он сразу заметил, что пантера, со своей стороны, тоже кого-то выслеживает, и в тот же момент порыв ветра донес до его ноздрей запах больших обезьян.

Подкравшись совсем близко к обезьянам, пантера вспрыгнула на дерево; Тарзан подошел еще ближе и увидел племя Акута, расположившееся на небольшой лужайке. Некоторые из обезьян дремали, прислонившись к пням, другие бродили около поваленных деревьев, обдирая их кору и лакомясь вкусными гусеницами и жуками.

Сам Акут был всего в нескольких шагах от Шиты.

Большая кошка лежала, пригнувшись, на толстом суке, скрытая от глаз обезьяны густой листвой. Она терпеливо выжидала, когда антропoid приблизится к ней на расстояние ее прыжка.

Тарзан совершенно бесшумно занял позицию на том же дереве, немного выше пантеры. В левой руке он сжимал свой новый охотничий нож. Он предпочел бы применить здесь свой аркан, но листва, окружавшая зверя, мешала ему пустить его в ход.

Акут тем временем подошел совсем близко к дереву, где его подстерегала смерть. Шита медленно подтянула под себя задние лапы и со страшным ревом бросилась на обезьяну. Но одним мгновением ранее другой хищный зверь прыгнул сверху, и его боевой крик смешался с ревом пантеры.

При этом ужасном звуке Акут поднял голову и увидел падающую прямо на него пантеру, а на спине ее белую обезьяну, ту самую, которая победила его у залива несколько дней назад.

Зубы человека-обезьяны вонзились Шите в горло; его правая рука обвила могучую шею зверя, левая наносила каменным ножом сильные удары в бок, под левое плечо.

Акут с быстротой молнии отскочил в сторону, чтобы не очутиться под борющимися, и в ту же секунду они шумно упали на землю у его ног. Шита оглашала лес диким ревом и визгом, но белая обезьяна неумолимо добивала свою жертву.

Глубоко в тело вонзился его безжалостный каменный нож, и с воем смертельной боли упала большая кошка на бок; после нескольких судорожных подергиваний пантера уже неподвижно лежала в траве.

Тогда человек-обезьяна вскочил на тело убитого врага, и поднял голову; снова пронесся по джунглям его дикий победный крик.

Акут и другие обезьяны стояли пораженные, глядя то на мертвое тело Шиты, то на гибкую фигуру человека, который ее победил в смертельном поединке.

Тарзан заговорил первый. Он спас жизнь Акута с определенной целью и, зная, как ограничены умственные способности у обезьян, счел нужным объяснить им свою мысль.

– Я – Тарзан из обезьяньего племени, – сказал он, – я великий охотник, могучий боец. В бою с Акутом я подарил ему жизнь, хотя и мог отнять ее и сделаться царем. Теперь я спас Акута от смерти, от когтей кровожадной Шиты. Тарзан – друг племени Акута: если Акут или кто-либо другой из его племени будет в опасности, пусть позовет Тарзана вот таким криком!

И Тарзан издал пронзительный звук, которым племя Керчака при приближении опасности созывало своих членов.

– И если вы услышите, что так кричит где-либо Тарзан, – продолжал он, – вспомните, что он для вас сделал, и стремглав спешите ему на помощь. Сделаете ли вы, как говорит Тарзан?

– Хух! – ответил Акут и остальные самцы его племени подтвердили обещание единомышленным «хух!».

Затем, как будто ничего и не случилось, они спокойно вернулись к своим ленивым занятиям на лужайке, и к ним присоединился Джон Клейтон, лорд Грейсток.

Он скоро заметил, что Акут все время старался держаться около него и какое-то новое странное выражение появлялось в маленьких глазках самца, когда он взглядывал на Тарзана. И один раз Акут сделал то, чего Тарзану не приходилось ни разу наблюдать за всю свою жизнь среди обезьян: он нашел особенно вкусное насекомое и передал его Тарзану.

Позднее, в часы, когда стадо охотилось, в гуще коричневых волосатых тел всегда выделялось светлым пятном гладкое и чистое тело Тарзана. Он шел с ними бок о бок и прикасался своим атласным телом к грубой щетине своих новых друзей; мало-помалу его присутствие сделалось для них чем-то обычным, и они стали смотреть на него, как на члена своего племени.

Если он случайно слишком близко подходил к самке, державшей детеныша, она оскаливала клыки и рычала на него. Рычал также, выражая свое неудовольствие, и молодой забияка самец, в особенности, если Тарзан приближался к нему, когда тот был занят едой. Но так же

они рычали в подобных случаях и на других обезьян своего стада; и Тарзана это нисколько не обижало. Он быстро отскакивал в сторону от самки-матери, встревоженной за своего малыша, и сам рычал на ретивых молодых обезьян, оскаливая зубы не хуже их. Но в то же время, он чувствовал себя в полной безопасности среди этих могучих и свирепых предков первобытного человека.

Быстро свыкался он с образом жизни своей ранней юности и чувствовал себя в обществе обезьян так, как будто никогда и не знал общества себе подобных.

Пять или шесть дней он бродил по джунглям со своими новыми друзьями, отчасти, чтобы не чувствовать так остро своего одиночества, но главным образом для того, чтобы обезьяны окончательно свыклись с его обществом и хорошенько его запомнили. Это требовало немало времени, так как у обезьян память в большинстве случаев очень короткая.

Из опыта прежней жизни Тарзан хорошо знал, какую пользу сумеет ему принести племя могучих и страшных зверей в минуту опасности.

Убедившись, что его образ достаточно запечатлелся в их памяти, он решил на время отделиться от стада, чтобы продолжать исследование местности. Однажды рано утром он отправился в путь, держась недалеко от берега по направлению к северу. Целый день он двигался вперед высоко над землей, перепрыгивая с дерева на дерево, и только с наступлением сумерек отыскал удобное дупло, где и устроился на ночь.

На следующее утро, когда взошло солнце, он с удивлением увидел, что оно встает из-за моря не прямо перед ним, как это было во все предыдущие дни, а с правой стороны. Из этого он заключил, что береговая линия сильно свернула к западу. Весь следующий день он продолжал свое путешествие вдоль побережья и к вечеру заметил, что солнце закатилось как раз против берега. Результаты исследования были теперь для него ясны: он находился не на африканском материке, а на острове. Он выяснил также и то, что на острове нет никаких признаков присутствия человека.

Обо всем этом он мог бы догадаться уже в первый день из записки Рокова; ведь в том и заключалась ужасная месть его жестокого врага, чтобы оставить Тарзана на всю жизнь на необитаемом острове...

Тарзан продолжал припоминать детали этого дьявольского плана мести: сам Роков, без сомнения, отправился к африканскому берегу, чтобы отдать маленького Джека на воспитание диким кровожадным людоедам...

Тарзан весь содрогнулся при мысли о тех ужасных мучениях, которые ожидали его нежного мальчика. Даже в самом лучшем случае, если бы он попал к дикарям, наделенным чувством человечности, и если бы они привязались к маленькому, беспомощному существу, даже и тогда его жизнь была бы далеко не сладкой. Тарзан был достаточно хорошо знаком с условиями жизни африканских дикарей: это была сплошная цепь жестоких лишений и опасностей, постоянной угрозы смерти и бесконечных страданий. И, увы, в этих суровых условиях борьбы за существование именно те из дикарей, которые отличались мягкостью и человечностью и способны были испытывать чувство жалости при виде чужих страданий, именно они, как наименее приспособленные, терпели больше всего невзгод.

А какая ужасная судьба ожидает ребенка, когда он станет взрослым. Ведь те инстинкты и склонности, которые воспитает в нем жизнь среди каннибалов, навсегда вырвут у него возможность общения с культурными людьми.

Людоед! Его маленький сын превратится в людоеда! Эта страшная мысль стальным буровом сверлила мозг Тарзана.

Подпиленные зубы, изуродованный, сплюснутый нос, лицо, изрезанное безобразной татуировкой! Несчастный отец переходил от глубокого отчаяния к взрывам бессильной ярости. О, если бы он мог почувствовать шею Рокова в своих цепких пальцах!

А Джэн? Как она должна терзаться, бедняжка, от неизвестности и тревоги. Тарзану казалось, что она была даже еще в худшем положении, чем он; ведь он может быть спокоен, что, по крайней мере, одно из любимых им существ находится в безопасности у себя дома; а она теперь томится в полном одиночестве, не имея ни малейшего представления, где ее сын и муж.

Это было поистине счастьем для лорда Грейстока, что он не знал ничего о судьбе своей жены, участь которой была не легче, чем у него. Знай он это, он впал бы в такую глубину безысходного отчаяния, что нравственные мучения парализовали бы совершенно его энергию, и он недолго мог бы бороться за свое безрадостное существование.

Углубленный в эти мрачные мысли, Тарзан медленно продвигался в джунглях.

Внезапно его ухо уловило какой-то странный звук, как бы царапанья когтей о дерево. Что бы это могло быть?

Осторожно ступая, двинулся он в направлении, откуда послышался звук, и вскоре открыл его причину: огромная пантера, великолепного золотистого цвета, как-то странно билась у упавшего дерева.

При приближении Тарзана она обернулась и, оскалив зубы, грозно заворчала. Тарзан увидел, что она не могла выбраться из-под дерева; большой сук придавил ей обе лапы.

Человек-обезьяна стоял перед беззащитным животным. Попавшая в капкан пантера была обречена на смерть от голода или безжалостных зубов другого хищника; Тарзан вынул стрелу из колчана и уже натянул свой лук, чтобы ускорить ее смерть, но внезапная мысль остановила его.

Это так легко – оборвать жизнь несчастного животного в расцвете сил и красоты... Это была бы холодная, бездушная жестокость в отношении отважного хищника, попавшего в беду.

У Тарзана возникло острое желание поступить так, как он поступил бы, если бы стоял перед человеком, а именно: вернуть пантере жизнь и свободу. Он обошел вокруг дерева на почтительном расстоянии от хищника, держа свой лук наготове. Позвоночник был несомненно цел, передние лапы крепко ущемлены, так что животное не могло ими шевельнуть, но возможно, что и они не были сломаны.

Тарзан положил стрелу обратно в колчан, перекинул лук через плечо и подошел ближе; он начал мурлыкать, как мурлыкают кошки, когда они чем-нибудь довольны. Это было самое приветливое обращение, которое Тарзан мог произнести на языке Шиты.

Пантера тотчас же перестала ворчать и с каким-то странным выражением глубоких зеленых глаз посмотрела на человека-обезьяну, как бы прося помочь ей. Чтобы приподнять громадное дерево, нужно было подойти вплотную к пантере, сильно рискуя попасть в ее опасные объятия. Но Тарзану из племени обезьян чувство страха не было знакомо.

Без колебания подошел он к груди переплетенных сучьев, продолжая дружески мурлыкать. Шита повернула голову к Тарзану, продолжая смотреть в глаза умоляющим взором. Время от времени она, впрочем, оскаливала беззвучно свои страшные клыки, но скорее для предостережения, чем для угрозы.

Тарзан уперся плечом под ствол дерева; он касался ногой мягкой шелковистой шерсти пантеры, и ему было приятно это ласкающее прикосновение.

Медленно напрягал Тарзан свои могучие мышцы, и громадное дерево с переплетающимися ветвями постепенно приподнималось над землей. Почувствовав, что тяжесть, давившая на лапы, ослабевает, пантера отползла в сторону. Тарзан опустил дерево на землю и, освободившись из сети ветвей, встал во весь рост, сжимая рукоятку ножа.

Человек и пантера стояли друг против друга, и каждый ожидал, что сделает сейчас другой.

Тарзан хорошо знал, что, освобождая хищника джунглей, он не на шутку рисковал жизнью, его нисколько не удивило бы, если бы громадная кошка, получив свободу, бросилась на него. Ведь она, наверное, была голодна.

Но этого не случилось. Пантера остановилась в нескольких шагах от дерева и спокойно следила за движениями человека.

Тарзан, стоя неподвижно в трех шагах от Шиты, решил, что в случае опасности он прыгнет на ветви ближайшего дерева. Это будет для него спасением, так как леопарды не умеют лазить на деревья так высоко, как умел человек-обезьяна. Но какой-то дух удалства заставил его подойти ближе к пантере; Тарзан словно желал убедиться, способен ли зверь на проявление черной неблагодарности по отношению к своему спасителю.

Когда человек приблизился, Шита осторожно и молчаливо отошла в сторону; Тарзан не остановился; он прошел мимо пантеры, едва не коснувшись ее влажной морды, а затем, не оборачиваясь, зашагал и дальше. Пантера одну минуту смотрела ему вслед, как будто о чем-то раздумывая, а затем медленно поплелась за ним, как собака, идущая по следам своего хозяина.

Шагая по лесу, Тарзан слышал, что пантера следит за ним, но не мог решить, с дружескими ли намерениями, или с враждебными. Он представлял себе, что пантера не хочет упустить лакомого куса и выслеживает добычу, чтобы наброситься на нее, как только почувствует в себе силы. Но вскоре он убедился, что это предположение неверно.

Уже смеркалось. Тарзан почувствовал голод. Он спрятался в густых ветвях дерева, держа наготове аркан. Шиты он не видел нигде поблизости: по-видимому, она спряталась в зарослях, когда увидела, что он остановился.

Тарзану не пришлось долго ждать; через полчаса петля затянулась на шее проходившей под деревом лани; он быстро принялся сдирать шкуру с помощью своего ножа, а затем, вспомнив о своем четвероногом спутнике, решил позвать его, чтобы разделить с ним трапезу. Он принялся мурлыкать так же, как он это делал утром, когда хотел успокоить опасения зверя, но немного громче и внушительнее.

Он не раз слышал, что именно подобное мурлыканье издают пантеры, охотящиеся парами, когда одна из них поймает добычу и хочет позвать свою подругу. В ответ на призыв Тарзана раздался треск в кустах и из зарослей показалось гибкое золотистое туловище странного спутника Тарзана.

Заметив убитую лань, пантера на минуту остановилась, раздувая ноздри и втягивая аппетитный запах свежей крови; затем, издав пронзительный визг, она побежала рысцой на зов человека, и оба, расположившись рядом на траве, принялись насыщаться свежим мясом.

После совместного ужина Шита совсем привыкла к человеку и следовала за ним по пятам.

Несколько дней бродила эта странная пара в джунглях. Когда одному из них удавалось поймать добычу, он подзывал другого, чтобы разделить ее с ним; охотясь таким образом, они доставляли себе обильную пищу.

Однажды после удачной охоты новые друзья расположились под деревом и закусывали мясом вепря; острый запах крови привлек внимание льва Нумы. Неслышно подкравшись, он внезапно выскочил из чащи переплетающихся лиан и с яростным ревом бросился вперед, чтобы, пользуясь правом царя зверей, отогнать своих слабых подданных от вкусной добычи. Увидев раздраженного льва, Шита прыгнула в кусты, а Тарзан проворно вскарабкался на дерево. Нума медленно принялся раздирать когтями добычу и проглатывать ее огромными кусками; а в это время человек-обезьяна устроился на ветке, свешивавшейся над пирующим львом, и спокойно разворачивал свой аркан.

Выбрав момент, он ловко накинул петлю на шею Нумы. Затем, затянув ее резким движением, поднял барахтавшегося льва кверху так, что только задние ноги животного касались земли. В то же время он не переставал звать Шиту.

Быстро прикрутив веревку к крепкому суку, он спрыгнул на землю и со своим ножом набросился на пойманного льва с одной стороны, в то время, как прибежавшая на зов пантера кинулась на него с другой.

Пантера рвала и терзала Нуму, а человек-обезьяна несколько раз всаживал ему в бок каменный нож, и раньше, чем владыка зверей мог своими могучими клыками перегрызть веревку, тело его повисло беспомощно и неподвижно на суку.

И тогда победный клич человека-обезьяны слился с торжествующим ревом пантеры в один могучий крик, громовыми раскатами пронесшийся по джунглям.

Когда последнее эхо этого крика замирало в воздухе, к берегам необитаемого острова причаливали на длинной пироге два десятка чернокожих.

V МУГАМБИ

Исследовав береговую полосу острова и обойдя его вдоль и поперек во время своих многочисленных экскурсий в глубь девственного леса, Тарзан окончательно убедился в том, что он был единственным человеческим существом на острове.

Нигде не нашел он ни малейшего признака хотя бы временного пребывания человека; впрочем, он не мог бы с уверенностью сказать, что никогда человеческая нога здесь не ступала, так как знал, как быстро роскошная тропическая растительность сглаживает всякие человеческие следы, но он убедился в том, что на этом острове никогда не существовало постоянных человеческих поселений.

На следующий день после столкновения с Нумой Тарзан, сопровождаемый по-прежнему Шитой, повстречался с племенем Акута. При виде пантеры обезьяны обратились в паническое бегство, и Тарзану стоило больших трудов их успокоить и созвать обратно.

Ему пришло в голову произвести опыт: примирить этих наследственных врагов. Тарзан хватался за все, чем можно было убить время и отвлечься от мрачных мыслей.

Уговорить обезьян заключить мир с Шитой и не нападать на нее оказалось, к его радости, делом нетрудным, несмотря на недостаток слов на обезьяньем языке. Но утвердить в мозгу злобной и ограниченной Шиты, что она должна охотиться вместе с обезьянами, а не на обезьян, было задачей почти непосильной даже для человека-обезьяны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.